

И.Е. Пожилов*

**Война в защиту республики:
к оценке события и его
главных действующих лиц**

АННОТАЦИЯ: Статья содержит краткий анализ исторического значения антимонархического движения в Китае 1915–1916 гг., черты к портретам его вождей и оппонентов, а также некоторые суждения историографического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Юань Шикай, Цай Э, Тан Цзияо, Хугоцзюнь.

Один из лидеров радикальной антиюаньшикаевской оппозиции генерал Ли Лецзюнь утверждал, что по своему значению «Война в защиту республики не уступит Синьхайской революции». Много позднее и едва ли не слово в слово далеко не тривиальное суждение генерала повторил главком НОАК Чжу Дэ, участвовавший в обоих исторических событиях в чине полкового командира [1, с. 21; 2, с. 57, 58]. Возражать столь авторитетным свидетелям не станем: так (или примерно так) считали очень многие современники, особенно в Юньнани, называя эту войну/движение *хуго гэмин* («революцией в защиту республики») либо *цзайцзао гунхэ* («воссозданием республики»)¹.

---

* Пожилов Игорь Евгеньевич, к.и.н., в.н.с., Центр новейшей истории Китая и его отношений с Россией, ИДВ РАН, Москва, Россия; E-mail: pozhilov1@yandex.ru

---

© Пожилов И.Е., 2017

---

¹ Подобный подход к Войне в защиту республики разделяют целый ряд китайских историков (см. [3; 4; 5]). Оценка её как «революции 1916 года» встречается в работах и отечественных авторов, правда не идущих далее констатаций тезиса (см. [6]).

Дело в том, что исходное намерение выступления юньнаньские военные толковали несколько шире принятого сегодня, связывая его со «спасением от гибели» государственности вообще (*юнху гоцзя*, в сокращении *хуго* — «защита государства»), «в форме архаической деспотии не способной отстоять национальную свободу». Тан Цзяю, в частности, не исключал прямого, очень скорого втягивания во внутривосточные коллизии Японии и, стало быть, начала «большой войны за независимость» [7, т. 10, с. 89, 103].

Иное слагаемое исторической значимости *хуго* — личность того, кто вдохновил и возглавил движение, воплотил замысел в действие, поднимал солдат в штыковые атаки... Генерал Цай Э (Цай Сунпо) в отечественной синологии фигура, вниманием явно обделённая, как, впрочем, и само «воссоздание республики» (абзац, не более, в обобщающих трудах), не удостоенное отклика даже по случаю 100-летия, выпавшего на минувший год. Досадная лагуна, благо, ни на йоту не умаляет его необыкновенной популярности и неподдельного почитания как в тогдашнем, так и современном Китае (*хуго* имеет по сути необъятную литературу)².

Юань Шикая не упрекнёшь в любезных потаканиях «смутьянам», но он не мог справиться со своей симпатией к «одарённому и дерзновенному, выдающимся воззрений» «идолу республики». И если «зачинателю ничегонеделания» Сунь Ятсену и «недальновидному» Хуан Сину он предпочитал «достоинейшего» Сун Цзяожэня, то генерала Цай Э с одним пороком («заговорщик») ставил выше всех троих [9, с. 95, 96]. В свой черёд, Цай Э всегда, включая отмеченный вызо-

---

² Цай Э получил известность в обществе и армейских кругах задолго до *хуго* благодаря своей брошюре «Цзюньгоминь пянь» («О воинствующей нации») и настольной книге китайского офицера «Цзэн Ху чжибин юйлу» («Наставления Цзэн [Гофаня] и Ху [Линь] по военному делу»). О его мировоззренческих и политических позициях знали меньше: «патриот-реформатор» и «оголтелый бунтовщик», «протезе Юань Шикая» и «ближайший сподвижник Лян Цичао»... Пересуды о том, кто же он на самом деле, продолжались вплоть до его безвременной кончины. Мятущийся, сомневающийся и противоречивый в видении социального идеала, Цай Э оставался тем не менее, последовательным республиканцем, сторонником демократии и неспешно-осмотрительных реформ по западному/японскому образцу, непреклонным антифедералистом. Первоосновой же «спасения государства» и «выхода на путь прогресса» генерал считал «вооружённый национализм» (*цзюнь-гоминьчжун*), воплощённый в «переплавке общества малодушия и истощённой жизненной энергии в воинствующую нацию», после чего «начинаются преобразования политической, общественной и экономической сфер» [8, с. 19–38].

вом «реставрации хунсянь» отрезок времени, преклонялся перед Юань Шикаем, этим «китайским Линкольном, объединителем страны». «Он единственный талант в Китае, способный хорошо управлять государством, — говорится в его декабрьском (1913 г.) обращении к офицерам юньнаньских войск. — Ниспослание небес, предназначения грандиозны. <...> Пожелает, пусть становится пожизненным президентом» [7, т. 10, с. 105].

Вместе с тем преклонение (как и всё прочее из чувствований и идейных пристрастий) шло прахом, когда проблема была связана с попранием закона, тем более конституции. *Хуго* — отнюдь не единственный эпизод, подтверждающий незыблемое кредо Цай Э: «Военные не призваны обслуживать интересы и цели конкурирующих партий, сколь бы привлекательными они ни смотрелись. Армия — слишком грозное орудие внутренней борьбы. [Её] политические принципы — национализм, следование закону и *буданчжун* (непартийность. — *И.П.*)». Вот почему, получив директиву президента подавить «мятеж в Цзянси» (*Гань луань*), позднее преображённый ни больше ни меньше как во «вторую революцию», генерал отказался даже принимать, а не то что выслушивать посланцев Хуан Сина (своего «старого верного друга») и отправил войска на усмирение бунтовщиков. Нет, не ради того, чтобы продемонстрировать неотвратимость сурового наказания за «государственную измену» (его отчаянные призывы к примирению Севера и Юга ни к чему не привели), но чтобы преподнести обществу наглядный пример уважения «закона законов» государственным мужем и гражданином, ставящим национальные интересы выше презумпции справедливости, которую «всякий понимает по-своему» [10, с. 72–73; 8, с. 715–734; 11, с. 300–301].

Для себя Цай Э эту «справедливость» усматривал в предотвращении «четырёх великих зол», порождаемых «внутренней смутой», — «бедствий и страданий народа», «раздела страны державами», «внутреннего раскола в государстве», «утраты приграничных земель». Оппонируя Сунь Ятсену и его *баолепай* (так, «бунтовщиками-раскольниками», нарекли Гоминьдан с началом мятежа), «галопом мчавшимся к неведомой гармонии и игнорировавшим насущное», генерал задавался замечательной мудрости вопросами: «Как торопиться искоренять старое, если оно тесно переплетено с новым? <...> Если желания и надежды слишком стремительны, разве реальность и идеалы соприкоснутся, новое и привычки сольются в единство? Не станут ли указы [правительства] безрезультатны, не станет ли труднее народу, не навредим ли миру [в обществе]?» [12, с. 82].

Не предлагая ответов, Цай Э, кажется, обнаруживал самое слабое звено в политической философии национал-революционеров (и не

только их), формулируя конечный и главный вопрос полемики: «А нуждаются ли соотечественники в опеке самозванных поводырей и пророков?» [12, с. 85]. Свою политическую миссию что тогда, что позднее и главным образом, конечно же, в *хуго* генерал, по выражению Лян Цичао, «намного опередивший век», видел в том, чтобы «завоевать для четырёхсотмиллионной нации человеческое достоинство» [13, с. 4055].

Цай Э, что вполне понятно, не был ни исполином, ни моральным образцом *homo politicus*, каковым его рисуют подавляющее большинство историков КНР, а также и в особенности западные исследователи (по Д. Саттону, Цай Э так и вовсе — «первый подлинный демократ в республиканском Китае» [14, р. 96]). В том, что по своим личным достоинствам и фанатичной преданности общенациональному (но не партикулярно-партийному) делу генерал стоял выше известных политиков эпохи, сомневаться не приходится³. И тем не менее не питал ли он, милитарист-*цзюньфа*, банальное и всё объясняющее тщеславие (подозрения такого рода высказывались постоянно)? Вряд ли. Приводя к присяге войска *Хугоцзюнь* (Армии защиты республики) в Куньмине накануне выступления, Цай Э торжественно поклялся, что «никогда не пойдёт на захват власти, не будет искать спасения в бегстве и, ежели победа отвернётся, положит всю армию на поле боя» [17, с. 647]⁴. И потом, смертельно больной лидер *хуго* доживал последние дни — в таком состоянии нет смысла лукавить перед собой.

---

³ К осязаемым изъянам в поведенческой манере Цай Э (прочее из негатива — отдельный разговор и весьма спорный предмет) можно отнести неизбывную тягу к авантюризму политическому комбинированию на грани провокации. Так, ему было известно о беседе *tete-a-tete* Юань Шикая с Фэн Гочжаном, в ходе которой президент, отвечая на вопрос, собирается ли тот восстановить монархию, сказал: «Нет у меня таких намерений. В нашей семье никто не доживал до 60 лет, а мне сейчас пятьдесят восемь. Ну, стану императором, сколько останется? Опять же наследование престола. Никто из моих сыновей не сможет стать преемником. Угомонись ты!» [15, с. 257]. Генерал, дабы увериться в искренности обещания, одним из первых выступил с идеей реставрации, проверяя президента в деле. Соратников-республиканцев, напротив, поднимал на смех, когда те убеждали его в неизбежности переворота: «Восстановит монархию, обещаю, что тут же объявлю себя императором Юго-Запада» [16, с. 223].

⁴ Цай Э доказал, что не цепляется за власть ещё в октябре 1913 г., когда настоял на своём переводе из Куньмина в Пекин на должность без прав и обязанностей «исключительно в назидание поместным владыкам, опасно игнорирующим единство и целостность государства» [18, с. 701].

Не секрет, что к инициированию, обоснованию и легитимации Войны в защиту республики имела прямое отношение целая когорта маститых политиков и военных, равно как и тех, чьи имена остаются достоянием только узкого круга посвящённых. И мы очень далеки от опрометчивости приписать Цай Э их заслуги и вклад в *хуго*, как это делалось и делается, несмотря на недавнее издание целого пласта документов, казалось бы, расставивших точки над “i” [19]. Нельзя, однако, принимать на веру слишком уж неосторожные (хотя и не без интриги) заявления, вроде нужды пересмотреть историю Движения и «возвести на пьедестал подлинных его героев». Прежде всего речь идёт о Тан Цзияо.

В общественном мнении, в историографии *Миньго* и континента Тан Цзияо издавна причислен к «предателям государства» за попытку «вырвать из лона родины» в середине 1920-х гг. три провинции Юго-Запада и изваять «Великую Юньнань», а также — судя по всему, это куда важнее — по причине враждебного отношения к Отцу нации и его партии (см. [20, с. 34–35]). Представителя и без того донельзя стигматизированного «класса» милитаристов, «маленького императора» за прегрешения по совокупности лишили и первенствующей (наряду с Цай Э и Ли Лецзюнем) роли в *хуго*. Однако вернуть его в «блестящую тройку» никак не является научной задачей, поскольку тот факт, что без дозволения самостийного правителя Юньнани и вне солидарности с ним Цай Э и шагу не смог бы ступить по возвращении в Куньмин, в доказательствах не нуждался и не нуждается⁵. Хорошо известна и замыкающая оценка генералом предпринятых юньнаньцами под водительством губернатора мобилизационных мероприятий, комментировать которую необязательно: «...Да у вас, оказывается, уже всё готово!» [7, т. 38, с. 39].

Более того, находясь в постоянной переписке с Тан Цзияо, пребывавший ещё в Пекине Цай Э черпал сведения из первых рук, а не позднейших исследований историков, вещающих чуть ли не о поголовном недовольстве подданных возвращением к монархии, тем паче *цзюньфа*, ни в какую не желавших расставаться с послесиньхайскими

---

⁵ В письмах к Лян Цичао от 5 и 11 января 1916 г. Цай Э в подробностях характеризует отношения внутри руководящего ядра восстания, указывая на «взаимное согласие, единодушие» и «предложение *дуду* (по титулатуре 1913 г. „военный губернатор провинции“). — *И.П.*) Тан [Цзияо] передать [мне] свои полномочия». Помимо этого, в одном из них перечислены фамилии «старших офицеров *Дяньцзюнь* (официальное и неофициальное название юньнаньской армии. — *И.П.*), ещё с осени взявших на свои плечи бремя приготовления войск к походу» [8, с. 879–880; 21, с. 54].

вольностями. Истина, как явствует из размышлений юньнаньского *дуду*, залегала глубже и скорее походила на колебания маятника, не способного прибиться к золотой середине, каковой являлась очевиднее всего не республика, но монархия плебисцитарно-конституционного типа, с началом *хуго* потихоньку морфировавшая в бесхребетное «подождём, кто кого»⁶.

Ссылаясь на неоднозначные разумения, бытовавшие в офицерском корпусе, Тан Цзияо писал: «В сущности, говорить о монархии и демократии как только о хорошем и только о плохом нельзя». Республиканское правление при «теоретически определённых преимуществах над деспотией» ещё не показало их на практике и, пожалуй ли в обозримом будущем, неясно. «Глянешь иначе, — продолжал генерал, — не исключено, что тысячелетняя монархическая традиция, ассоциируемая и неразрывно сплетённая народом с любовью к родине и с её былым могуществом, будучи со временем избавлена от воспоминаний о гнёте маньчжурских богдыханов, может стать символом спасения и возрождения государства» [19, с. 67–68]. Посему, не дожидаясь чьих бы то ни было подсказок (того же Цай Э), Тан первым из представителей влиятельных региональных элит провёл референдум в поддержку монархии (подчеркнём: конституционной), а затем первым же объявил войну реставрации самодержавия.

Нельзя не коснуться другого аспекта *хуго*, находящего выражение в свойственной большинству исследований переоценке идейной компоненты в Движении, что, скажем, делает безответным вопрос о «нежданной» деидеологизации господства и усобиц *цзюньфа* на Юго-Западе после восстановления Республики. «Ненависть» юньнаньских военных к Юань Шикаю, а именно так характеризуются их настроения в повременных документах, возникла не вдруг и вне связи с его желанием взойти на престол (см. [21, с. 45–46]).

Кумулятивному росту недовольства в частях, разрядившегося в восстании против монархического проекта, предшествовало латентное и довольно продолжительное накопление эмоций отрицания, порождаемых неуклонным падением (в сличении с бэйянской армией) социального статуса, ухудшением материального положения и,

---

⁶ Даже «братской» Гуйчжоу, самым тесным образом связанной с Юньнанью («губы и зубы»), потребовался целый месяц, чтобы осмелиться объявить независимость и присоединиться к восставшим. Несмотря на все старания Лян Цичао, имевшего большое влияние на Лу Жунтина, Гуанси выразила поддержку Цай Э только 15 марта. В целом же процесс выхода остальных провинций из-под власти Пекина завершился лишь в мае 1916 г., т.е. уже после эвакуации бэйянской армии из Сычуани.

главное, утратой служебной перспективы из-за постоянных демобилизаций после «второй революции». Потери в условиях бытия, относимые юньнаньцами преимущественно либо целиком на счёт «гадкой и мерзкой столицы», к осени 1915 г. сделали проблему преодоления «унизительного существования» разрушительной и по-другому уже не решаемой (см. [22, р. 236]).

На явном, если не разительном, контрасте в общем-то с рукописаниями «славной эпопее *хуго*» преподносит событие, пожалуй, лишь именитый Тан Дэган. С его проникнутой скепсисом точки зрения (ничем, кстати, не верифицируемой, кроме логических связей и соображений здравого смысла), «затея Сунпо и юньнаньская фронда» очень напоминали «мыльный пузырь, ткнёшь и лопнет», поскольку судьбы государства вершились не где-нибудь в забытой богом «глухомани», но в недрах бэйяннской клики, реставрацию не приемлешей; ровно так же, коли «монархии объективно назначен короткий век», оценивается и сама война 1916 г. («игра в поддавки») [15, с. 286, 307].

То, что краху амбиций Юань Шикая послужил целый комплекс факторов, сомнению не подлежит (и Тан Дэган, противореча себе, признаёт *хуго* одним из таковых). Однако же согласиться с его уничтожительными дефинициями Движения и собственно военных действий в Сычуани непозволительно.

Выпестованная профессионалами высшей пробы Ли Гэньюанем, Цай Э, Ло Пэйцинем и Тан Цзияо, юньнаньская армия, не выделяясь числом, ещё в позднецинскую пору представляла собой уникальную военную машину («*Дяньцзюнь* – гвардия Поднебесной») и наиболее боеспособную группировку китайских сухопутных войск (подобно другим, Тан Дэган ошибается, полагая, что это были «шесть бригад Севера») и, главное, имела колоссальный опыт войны на театре, о котором вояки Цао Куня и Чжан Цзинъяо не имели ни малейшего понятия⁷.

---

⁷ История *Дяньцзюнь* и производные — тема особая. Если не поддаваться чересчур комплиментарным оценкам, присущим ряду китайских и западных авторов, в сухом остатке очевидных её преимуществ можно обнаружить: редкую морально-психологическую закалку личного состава и сплочение на основах братства и взаимовыручки; плотность включения в политический процесс с доминированием революционного и прореспубликанского начал; приобщённость генералитета к достижениям передовой военной науки (более 90% — выпускники *Нихон сикан гакко*); завидную полевую выучку войск; способность с равным успехом вести как маневренную, так и позиционную войну; оснащение и насыщенность сравнительно современным вооружением; внушительную численность обученного резерва и др. Законная

Не отвлекаясь на общеизвестное, отметим, что боевые действия, развернувшиеся на сычуаньском правом берегу Чанцзян зимой 1916 г., что бы ни утверждал Тан Дэган, отличались крайней ожесточённостью, небывалой прежде протяжённостью фронтов, задействованной массой войск и, как следствие, беспрецедентно тяжёлыми потерями с обеих сторон (в *Хугоцзюнь* более половины наличного состава). «Первая настоящая война в нашей стране от появления огнестрельного оружия», — так оценивают китайские военные историки «игру в поддавки» [25, с. 185].

В довершение всего Цай Э, словно недоучившийся кадет, предоставил кратно превосходящему в силах противнику возможность упредить компактную *Хугоцзюнь* в развёртывании и оседлать узлы коммуникаций, а для усугубления «просчёта» назначил 1-му корпусу (менее 10 тыс. человек против полевой армии северян) сразу два операционных направления, задавшись сумасбродной целью фактически одновременно овладеть Сюйфу и Лучжоу. Свалившаяся на голову бэйяньских генералов форса означала: «гений войны» наделяет приоритетом жертвенность и доблесть, уповая не на оружие, а на быстрое пробуждение нации («...что ж, будем гибнуть, покуда не восстанут пристыженные») [26, с. 98–99].

И, наконец, вместо заключения. Цай Э уже не мог самостоятельно ходить — к передовой его на руках выносили адъютанты. «Появление командующего, — сообщает очевидец, — войска встречали никогда и нигде не виданной мною бурей восторга, которая неслась по позициям, заглушая артиллерийскую канонаду» [27, с. 264].

Литература

1. Ли Лецзюнь цзянцзюнь цзычжуань (Автобиография генерала Ли Лецзюня). Шанхай, 1944.
2. Чжу Дэ цзышу (Чжу Дэ о себе). Пекин, 2003.
3. *Цзян Шанвэй*. Миван дэ чжухоу: хоу синьхай шидай дэ синань цзюньфа (Смятение поместных владык: милитаристы Юго-Запада в послесиньхайское время). Сиань, 2010.
4. *Гу Дацюань*. Шилунь Юньнань хуго ции (О юньнаньском восстании в защиту республики). Гуйян, 1984.
5. *Цзэн Сянцзинь*. Таофа цего дадао (Покараение узурпатора). Чанша, 1995.
6. *Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999.

гордость юньнаньцев, отличавшихся необычным расположением к солдату, — *Юньнань луцзюнь цзяньгутан* (среди питомцев этого знаменитого училища два маршала КНР) (см. [23, с. 98–99; 24, с. 89–90]).

7. Юньнань вэньши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по культуре и истории Юньнани): В 70 т. Куньмин, 1961–2013.
8. Цай Сунпо цзи (Сочинения Цай Сунпо). Шанхай, 1984.
9. Ван Цзяньчжун. Хунсянь цаньши (Скорбная история хунсянь). Шанхай, 1998.
10. Се Бэньшю, Фэн Цзуи. Синань цзюньфа ши (История милитаризма на Юго-Западе). Т. 1. Гуйян, 1991.
11. Фу Гоюн. Чжуцзюэ юй пэйцзюэ: цзиньдай чжунго дачжуаньсин дэ тайцянь мухоу (Главные и второстепенные роли: на авансцене и за кулисами поворотных событий в Новой истории Китая). Ухань, 2005.
12. Лю Синьчунь. Цай Э шэхуэй цзинцзи сысян юй Сунь Чжуншань миньшэнчжуй (Социально-экономические идеи Цай Э и принцип народного благоденствия Сунь Ятсена) // Хэньян шифань сюэюань сюэбао. 1998, № 10. С. 82–85.
13. Лян Цичао цюаньцзи (Полное собрание сочинений Лян Цичао). Т. 7. Шанхай, 1999.
14. Sutton D. Militarism and the Chinese Republic: The Yunnan Army, 1905–1925. Ann Arbor, 1980.
15. Тан Дэган. Юань ши дан го (Юань [Шикай] во главе государства). Сянган, 2002.
16. Хуан Син няньпу (Биографическая хроника Хуан Сина). Чанша, 1980.
17. Лай Синься. Бэйян цзюньфа (Северные милитаристы). Т. 2. Шанхай, 1993.
18. Лян Цичао няньпу чанпянь (Подробная биографическая хроника Лян Цичао). Шанхай, 1983.
19. Тан Цзияо хуго тао Юань вэньгао (Рукописи Тан Цзияо по Войне в защиту республики и покаранию Юань [Шикая]). Куньмин, 2005.
20. Се Бэньшю. Тан Цзияо пинчжуань (Критическая биография Тан Цзияо). Чжэнчжоу, 1985.
21. Хуго лиши цзыляо сюаньбянь (Избранные исторические материалы по Движению в защиту республики). Куньмин, 1985.
22. Young E. The Presidency of Yuan Shih-k'ai. Liberalism and Dictatorship in Early Republican China. Ann Arbor, 1977.
23. У Дадэ. Цин мо юньнань синьцзюнь бяньлянь юй цзюньши цзяоюй (Новая юньнаньская армия в позднецинский период: формирование и обучение) // Цзюньши лиши яньцзю. 2006. № 3. С. 94–98.
24. Цинмо миньчу дэ Юньнань шэхуэй. Юньнань шэн даньяньгуань цзыляо сюаньбянь (Юньнаньское общество в позднецинское время и начальный период Республики. Избранные материалы музея провинции Юньнань). Куньмин, 2005.
25. Чжунго цзиньдай чжаньчжэн ши (История войн в Китае Нового времени). Т. 3. Пекин, 1984.
26. Тан Цзияо яньцзю вэньцзи (Документы к исследованию [личности и взглядов] Тан Цзияо). Куньмин, 2011.

27. Куньмин вэньши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по культуре и истории Куньмина). Т. 2. Куньмин, 1981.

I.E. Pozhilov*

**War to defend the Republic:
estimating events and their main participants**

ABSTRACT: The paper deals with a brief analysis of the historical significance of anti-monarchist movement in China in 1915–1916, features to the portraits of its leaders and opponents, as well as some judgments of historiographical nature.

KEYWORDS: China, Yuan Shikai, Cai E, Tang Jiyao, Huguojun.

* Pozhilov Igor Evgenyevich, PhD (History), Leading Researcher of the Center for Recent History of China and its Relations with Russia under the Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow, Russia; E-mail: pozhilov1@yandex.ru